

ЭКСПЛЕТЫ

ЭКСПЛЕТЫ
ЛЕБЕДИНАЯ БАШНЯ

ЭКСПЛЕТЫ
СОВЕТ ДЕВЯТИ

ЭКСПЛЕТЫ
ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА

ИРИНА
ФУЛЛЕР

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф94

Дизайн переплета
Алёны Ягупьевой и Екатерины Петровой

Фуллер, Ирина.

Ф94 Эксплеты. Последняя сказка / Ирина Фуллер. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-164571-7

Омарейл и Даррит продолжают свою миссию по освобождению принцессы от гнета проклятия. Книга сказок приводит их в совершенно неожиданное место. Но каждая дорога когда-то заканчивается. Настало время раскрыть мрачные тайны прошлого. И будущего.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Фуллер И., текст, 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164571-7

Глава 1

Мурбийон

— Не переживайте. Я знаю, что делать.

Омарейл и Норт Даррит сидели на полу в комнате с огромным тикающим механизмом. Только что Совет Девяти закончился провалом. Почти трехмесячное путешествие по Ордору с переговорами, хитроумными планами и порой опасными приключениями не привело ни к чему. Они оказались там же, где и были вначале: предсказание не ослабило своего влияния на судьбу наследницы, план Совалии Дольвейн продолжал работать, только теперь еще и подданные готовы были взбунтоваться, недовольные ситуацией с принцессой.

Странно, но слез не было, хотя они казались вполне уместными. Была только оглушающая пустота. Да, Омарейл до тошноты отчетливо ощущала, как разочарование сдавило грудь, сжало твердой рукой желудок и не давало сделать глубокий вдох. Но в голове не осталось ни одной вразумительной мысли, а душа перестала стремиться куда-то, словно утратив цель. Будь на то ее воля, Омарейл так и сидела бы там, бессмысленно глядя в пространство.

Но Даррит, решительно поджав губы, листал книгу со сказками — ту самую, что носил с собой все время их путешествия и читал принцессе в поезде. Выглядел он так, будто полон энергии, чтобы продолжить путь.

«Зачем?» — глухо отозвалось сознание Омарейл.
— Нам нужно найти Часовщика.

«Зачем?» — повторило оно, все еще не позволяя даже искорке интереса разгореться в сердце.

Норт же тем временем открыл маленький томик на последней странице и указал на текст:

«Но знали они: Часовщик мог помочь».

Так заканчивалась книга. Необычно для сборника сказок, не было в этой фразе ощущения завершенности. Но принцесса не понимала, какое отношение это имело к их ситуации.

Зачем Даррит вообще носил с собой пускай и маленький, но все же ощутимый в кармане томик? Будь у него энциклопедия лечебных трав или атлас дорог Ордора — это имело бы хоть какой-нибудь смысл, а так...

«Зачем?»

— Норт, я тоже ошеломлена и раздавлена тем, что из нашей затеи с Советом Девяти ничего не вышло, — сказала она наконец. — Но давай постараемся сохранять голову холодной и не ударяться в истерики.

Даррит перевел на нее серьезный взгляд, а затем произнес нараспев:

— Смеясь всем невзгодам в лицо, по той неудаче они не тужили. Пускай девять мудрых надежды лишили. Пускай их грядущее — темная ночь. Но знали они: Часовщик мог помочь.

Что бы он ни хотел этим сказать, Омарейл лишь утвердилась во мнении, что Даррит сошел с ума.

— Думаешь, если станешь говорить стихами, будешь звучать более убедительно? — спросила она полушутя, но взгляд Норта по-прежнему был сосредоточенным и угрюмым.

— Я зачитал вам последний абзац. Я помню его наизусть, поскольку слышал много раз, когда Фрая читала мне эту книгу, — Даррит продемонстрировал потрепанное издание. — Всегда недоумевал: почему все заканчивается таким странным образом? Почему история обрывается? Что было дальше?

— И что? — в ней все же нехотя, но заворочался интерес к словам Норта. — Теперь ты понял почему?

— Вы же тоже заметили: текст как будто описывает нашу ситуацию. И это не единственное совпадение. Еще когда вы появились на пороге моего дома, я подумал, что происходящее начало перекликаться с сюжетом книги. Интуиция подсказала мне взять ее с собой, когда мы отправились на поиски Мраморного человека. И чем дальше, тем заметнее становилось, что многие события происходили как в этой последней сказке. Здесь они описаны в несколько иносказательной манере, но все же узнаваемы. Главный герой, простолюдин, помогает героине, принцессе, добраться до совета мудрых магов. Их тоже девять. На их пути попадают и разбойники — один из них в итоге тонет в реке, — и хитрый купец, который обещает помочь за достойную плату, и шут, которого они обыгрывают в карты...

Омарейл почувствовала, что ее сердце забилось чаще: действительно, слишком много совпадений для одной сказки!

— Но как такое возможно?

— У меня пока нет ответа на этот вопрос, — пожал Даррит плечами, — но я верю, что последние строчки — это подсказка, что делать дальше.

— Надежда со щепоткой безумия лучше, чем болото рассудительного уныния, — кивнула она, ощущая, как вера в счастливый исход встрепенулась в груди и нерешительно подняла голову.

Принцесса встала и начала прохаживаться по комнате, не в силах совладать с приятным возбуждением.

— Папа и Пилигрим ждут меня в Орделионе, — заметила она.

— Скоро им сообщат решение Совета Девяти, они поймут, что что-то пошло не так, но до свадьбы вряд ли станут предпринимать какие-либо шаги. Да и госпожа Дольвейн, уверен, позаботилась о том, чтобы встреча с ними прямо сейчас была невозможна. — Даррит звучал убедительно, разбивая по-

следние сомнения принцессы. — Полагаю, Совалия приложит все усилия, чтобы ничто не помешало женьитьбе сына. Поэтому у нас есть время проверить мою гипотезу.

Он прошел к двери, обернулся и выжидающе посмотрел на Омарейл.

— Не думаю, что встреча с Часовщиком продлится слишком долго, — добавил Даррит.

Решение было за ней.

— Это безумие, — сказала она, качая головой, но идя следом. — Когда все вокруг катится в бездну, ты предлагаешь поверить в сказку?

— Когда все катится в бездну, только это и остается.

Часовщик — не самая редкая профессия в Ордоре, и Омарейл полагала, в одном только Астраре их было не меньше десятка. Но Даррит был уверен, что знал, о ком именно шла речь.

— В книге Часовщик однажды помог принцессе, когда за ней гналась стая безумных птиц, — пояснил он, пока они спускались по лестницам Дома Совета. — Думаю, не ошибусь, предположив, что в нашем случае это...

— Тот пожилой мужчина, что помог мне укрыться от стражников! Когда я убегала от Совы!

И, несмотря на то что Даррит в ответ кивнул весьма сдержанно, Омарейл заметила — за новое дело он взялся с азартом.

Тот самый Часовщик обитал в центре Астрара, рядом с Храмом Света, и в обычный день добраться до его лавки можно было довольно быстро. Но свадьба Севастьяны и Бериота смешала все карты: большинство дорог были закрыты для пешеходов, а тысячи людей высыпали на улицы, чтобы полюбоваться на жениха и невесту. Тем предстояло порознь добраться до Храма Света, а после церемонии в открытой карете вместе проследовать от площади до Орделиона. Посмотреть на это съехались гости из разных уголков страны.

— Может, найдем какого-нибудь часовщика поближе к Орделиону? — иронично предложила Омарейл.

Принцесса неуютно чувствовала себя в окружении такого количества людей. И чем ближе к центру, тем плотнее была толпа. Приходилось буквально расталкивать всех плечами, чтобы пробраться вперед. Желаящие увидеть королевскую чету стояли не только вдоль дороги: они высовывались из окон, свешивались с балконов и искали места на крышах. От царящего вокруг ажиотажа Омарейл невольно начала заводиться и сама.

— Я тоже хочу посмотреть на Севастьяну. Они уже скоро поедут, давай найдем место, — прокричала она в спину Дарриту.

Тот даже не оглянулся, и принцесса с трудом поборола желание просто из вредности остановиться и посмотреть, как он будет искать ее, потеряв в толпе.

В конце концов Омарейл все же немного отстала, не нарочно, просто дорогу ей преградил гвардеец.

Она замешкалась, но, взглянув ему в глаза, застыла. Служители правопорядка были повсюду, и все как один высокие, широкоплечие, с волевыми подбородками и сурово сжатыми губами. Казалось, их создали по одному лекалу. Но лицо именно этого гвардейца почудилось принцессе знакомым. Когда же она прочитала его эмоции — узнавание, триумф, враждебность — скорее догадалась, чем вспомнила: это был тот самый человек, что пытался убить ее на пути из Нортастера в Клоустен. Тот, кто знал о ее причастности к убийству другого гвардейца. Посланник Совы.

В его взгляде читалось торжество и ярость. Принцесса испугалась: не только из-за этой встречи, но и из-за того, что Норт пропал из виду. Гвардеец-наемник тем временем схватил Омарейл за локоть. Она дернулась, пытаясь высвободиться, но пальцы сжали ее руку еще крепче.

— Куда-то собралась? — прорычал он, злорадно ухмыляясь.

От него пахло потом и пивом. Принцесса содрогнулась от отвращения и снова хаотично задергала рукой. Вряд ли ей удалось бы освободиться, если бы захватчика не отвлек удар бутылкой по голове — точнее, не по голове, а по парадному гвардейскому шлему, что, должно быть, и спасло его от сотрясения мозга или других значительных повреждений. Бутылка разбилась, но гвардеец едва ли пошатнулся. Он отпустил Омареил скорее от удивления, чем от боли.

За его спиной стоял Даррит с бутылочным горлышком в руке. Как поняла Омареил по почерневшим глазам Норта, он попытался использовать дар, но звенящие в воздухе эмоции мешали сосредоточиться даже такому опытному эксплету. Даррит бросил взгляд на Омареил и дернул головой. Она кивнула, и в следующую секунду оба бросились в толпу. Омареил до дрожи боялась потерять Норта из вида, но наконец почувствовала, как он сжал ее предплечье, увлекая за собой.

Большое количество народа сыграло на руку: им удалось затеряться в толпе.

— Держи их! Стража! — раздался рык позади.

Не сговариваясь, Даррит и Омареил свернули с улицы Семи Сестер в небольшой переулок. Народу здесь было гораздо меньше.

Сердце принцессы забилося чаще, когда за спиной послышались крики других стражников. Толпа загудела.

Омареил уже имела возможность сформировать свое отношение к бегу: он ей не нравился. В груди жгло, горло сдавливал кашель, во рту появлялся металлический привкус. Казалось, еще немного — и она просто умрет. Однако грядущая смерть от физической нагрузки представлялась менее пугающей, чем встреча с толпой гвардейцев, поэтому она продолжала двигаться, петляя между прохожими. Бежать, не расцепляя рук, было неудобно, но потерять друг друга сейчас было бы еще хуже, поэтому, с трудом дыша, Омареил выкрикнула:

— Если что, встречаемся у Часовщика, — и едва Даррит кивнул, испытала облегчение.

Страх разлуки отступил, оба разжали руки и нырнули в бурлящую толпу. Крики «Разойдись!», «Держи вора!», «Дорогу королевской гвардии!» раздавались ближе и ближе.

Люди мелькали разноцветными пятнами, принцесса не видела лиц, только чувствовала сотни запахов, утыкаясь в чужие плечи и спины. Она расталкивала крепких мужчин, мягких женщин, молодых людей с острыми локтями. Ее ладони касались бархатистых сюртуков, блузок из хлопка, ситцевых платьев и тонких рубашек из муслина. А временами Омарейл ощущала грубую кожу портупей и ремней, колючую шерсть жилетов или гладкий атлас корсажей.

Принцесса никогда не планировала знакомиться со своим народом настолько близко.

Наконец толпа чуть расступилась, потому что улица, к которой они выбежали, была предоставлена автомобилям. Кажется, все машины Ордора собрались на той дороге. Между ними виновато пытался протиснуться конный трамвай.

Черные кузова блестели на солнце, пахло резиной, бензином и пылью. Поток был плотным, ехал транспорт очень медленно, поэтому Омарейл чуть присела, сгорбилась и начала петлять между автомобилями, надеясь, что так страже будет сложно заметить ее. Даррит последовал примеру. Принцесса сообразила, что проще всего было бы оторваться от преследователей, запрыгнув в чей-нибудь салон, тем более что низкие дверцы задних сидений не казались серьезной преградой. Продолжая юрко проскальзывать между блестящими экипажами, она начала искать транспорт без пассажиров.

И тут в одном из водителей — несмотря на большие пылезащитные очки в медной оправе — принцесса узнала Шторм. Разумеется, одна из самых известных актрис королевства была приглашена на свадьбу, для нее должны были приготовить место

в Храме Света. И, конечно, госпожа Эдельвейс решила прибыть на собственном шикарном автомобиле, да еще и за рулем. Последнее — несомненно, чтобы эпатировать публику и засветиться во всех газетах.

Отглянувшись, Омарейл увидела, что гвардейцы чуть отстали и хищно оглядывают окрестности: они потеряли добычу из виду. Воспользовавшись этим, она схватила Норта за руку и, нырнув на заднее сиденье автомобиля Шторм, затянула туда и его. Оба, не сговариваясь, спрятались на полу у кожаного диванчика.

— Сожри тебя тьма, что происходит?! — воскликнула Шторм.

Она боялась отрывать взгляд от дороги, девичьи пальцы крепко сжимали руль, поэтому толком разглядеть, что творилось на заднем сиденье, она не могла. Но, понимая, что девушка не оставит это просто так, Омарейл сказала:

— Шторм, тише, это мы: Норт Даррит и Мираж.

Автомобиль дернулся и остановился оттого, что Шторм резко отпустила педаль.

— Продолжайте движение, госпожа Эдельвейс, — требовательно произнес Даррит своим лучшим учительским тоном.

К удивлению Омарейл, Шторм послушно завела двигатель.

— У вас есть ровно минута, чтобы объяснить, в чем дело, — зло заявила она, глядя вперед.

— Мы скрываемся от гвардейцев, — после паузы ответил Норт, за что получил от Омарейл возмущенный взгляд. — Видите, вон они стоят, ищут нас. Прошу, воспользуйтесь своим актерским даром и изобразите невозможность.

Они проехали мимо мужчин, что преследовали их, незамеченными.

— Благодарю, — произнес Даррит.

— Катитесь в бездну. Я не стану укрывать преступников! — вознегодовала Шторм, несмотря на то что сделала именно это. — Не знаю, что вы натвори-

ли, но я сдам вас первым же... следующим же стражникам!

— Ничего подобного. Во-первых, вам слишком любопытно, почему же нас ищут. Во-вторых, вы слишком отзывчивый человек.

Омарейл выразительно фыркнула. Шторм тоже.

— Поверьте, — громко сказал Даррит, стараясь перекричать звук работающего мотора, — я знаю вас лучше, чем, возможно, даже вы сами. Что же до причин погони: мы расскажем о них, когда доедем до цели. Нам нужна улица Первых Семей.

Шторм хотела вновь возмутиться, но Даррит не позволил ей сделать этого:

— Я понимаю, что вам не совсем по пути. Мы сойдем в переулке Иетихона, так всем будет удобнее.

Шторм покачала головой, и, поправив автомобильные очки, устремила взгляд вперед.

Через несколько минут Омарейл и Даррит решили, что будет безопасно подняться с пола и сесть на пассажирский диванчик. Идея оказалась даже лучше, чем они предполагали, поскольку через пару минут их обогнал гвардеец на лошади. Он внимательно вглядывался в лица шоферов и пассажиров и, очевидно, не находя того, что искал, отправлялся рысью дальше. Если бы он заметил притаившихся на полу людей, это вызвало бы подозрения. Так же Даррит и Омарейл вполне походили на достойных граждан. Норт скусающе оперся щекой о кулак, скрывая шрам. Омарейл быстро вытащила из кармана Даррита книгу со сказками и стала делать вид, что читает.

И все же гвардеец заинтересовался ими. Видимо, ему дали очень точное описание тех, за кем велась погоня. Он жестом велел Шторм остановиться, что она послушно и сделала. Автомобили, ехавшие позади, тоже встали, слышались недовольные крики и гудки.

— Кто эти люди, госпожа? — обратился гвардеец к девушке за рулем.

Та через плечо бросила взгляд на пассажиров. Омарейл отложила книгу, возмущенно спросив:

— А что, собственно, происходит? — Сердце ее при этом билось в горле.

Гвардеец поднял ладонь, призывая к тишине.

— Госпожа, кто эти люди? — настойчиво повторил он, глядя на Шторм.

Несколько секунд, что та молча буравила его взглядом, показались Омарейл вечностью. Выдаст или не выдаст?

— Мой брат и моя служанка. Я не могу ехать на свадьбу без девочки на побегушках, — капризно протянула она. — Кто будет носить мне воду, если станет жарко? К счастью, на подобное эта дуреха способна... А в чем дело?

Гвардеец чуть растерялся. Затем сощурился, внимательно вглядываясь в лицо Шторм.

— Госпожа... госпожа Эдельвейс? — уточнил он, явно смутившись.

Та закатила глаза.

— Я могу ехать? — с нотками раздражения спросила она.

Видимо, спешила скрыться, пока поклонник не вспомнил, что у нее нет братьев и сестер.

Тот заставил лошадь отступить чуть назад, но когда Шторм уже завела машину, вдруг снова поднял руку, прося ее остановиться.

Омарейл, которая только готова была вздохнуть с облегчением, вновь напряженно застыла.

— Можно ваш автограф? Вы — гениальная актриса, я от вас без ума. — Гвардеец вынул из нагрудного кармана свое удостоверение и карандаш. — Вот тут, прямо на обложке.

«Гениальная актриса» снисходительно дернула плечиком и выполнила просьбу. Гвардеец отправился дальше, на поиски беглецов. Омарейл и Даррит переглянулись.

— Спасибо, Шторм, — проникновенно произнесла принцесса.

— Замолчи, — бросила та. — Мне не нужны твои благодарности. Я сделала это, только чтобы узнать, во что ты вляпалась!

Прежде чем сойти у переулка Иетихона, Даррит действительно открыл Шторм часть правды:

— Мираж в розыске с тех пор, как сбежала из школы. Один из гвардейцев узнал ее и объявил погоню.

Шторм спустила защитные очки на шею. Ее глаза горели.

— Но почему? Почему ты в розыске? Почему сбежала? — спросила она.

И принцесса ответила:

— Потому что я не та, за кого себя выдаю, — заявила она. — Но сказать, кто я, не могу. Надеюсь, впрочем, что ты все же однажды узнаешь и, может быть, перестанешь меня ненавидеть.

Та хмыкнула, надела очки и бросила:

— Я тебя не ненавижу. Мне нет до тебя дела. Счастливо!

Мотор задрезбезжал. Машина резко тронулась с места, оставляя за собой облако пыли.

До лавки Часовщика было рукой подать, но обратиться к ней не представлялось возможным. Вероятно, из-за близости площади Храма Света толпа здесь была слишком уж возбужденная: многие были настроены чересчур агрессивно, и никто не хотел уступать свое место. Попав в поток идущих к площади, Даррит и Омарейл могли лишь следовать за народом.

До появления Севастьяны и Бериота оставалось несколько минут. У Храма Света, как говорили ордорцы, негде было воткнуть копьё.

Все силы Омарейл уходили на то, чтобы отстраняться от витающих в воздухе эмоций, но это получалось все хуже и хуже. Наконец по площади прокатилась волна возбужденного восторга.

— Едут. Они едут, — слышалось со всех сторон.

Омарейл стало трудно дышать. Она пыталась убрать за уши мешающие пряди, но они лезли и лезли в лицо. Ее колотило от переизбытка чувств, руки тряслись. Пробираться вперед было уже невозможно — никто не собирался двигаться ни на шаг, и Норт остановился. Омарейл уткнулась носом в его плечо, глубоко дыша и пытаясь вернуть себе самообладание. *Вдох-выдох, вдох-выдох.* Медленно, очень медленно невыносимый шум в голове стихал, позволяя принцессе услышать собственные мысли. Где-то далеко проехал целый кортеж: кареты короля и королевы, следом — родителей Севастьяны, Совалии Дольвейн, затем закрытая черная карета с женихом. Последней под рев толпы пронеслась изящная белая — с невестой. Омарейл ощущала давление чужих эмоций и была не в силах справиться с ним. Только когда Даррит взял принцессу за руку и прижал к себе, она наконец почувствовала, что может отстраниться от эмоций толпы. Объятиями он будто создал защитный кокон.

Сколько они так простояли, Омарейл сказать не могла, но, должно быть, не меньше получаса. Время тянулось медленно, солнце припекало, ноги начали ныть от усталости. Но пытаться пробраться к лавке Часовщика и думать было нечего. К тому же Омарейл хоть и понимала, что едва ли сможет рассмотреть сестру, все равно мечтала хотя бы краем глаза увидеть молодоженов.

Наконец церемония в Храме Света подошла к концу. Судя по возгласам, принцесса Севастьяна и ее новообретенный муж вышли на улицу, чтобы поприветствовать народ. Гомон нарастал. Карета — теперь открытая — медленно ехала по площади. Омарейл вытягивала шею и вставала на цыпочки, но люди вокруг делали то же самое, и никакие ухищрения не помогали ей увидеть происходящее. Уже когда молодожены почти проехали мимо, Даррит подхватил Омарейл и, держа за талию, приподнял над толпой. Вцепившись в его плечи, она, смеясь, не обращая внимания на недовольство окружа-

ющих, проводила взглядом сестру. Платье, корона и почти белые волосы отражали свет, и рядом с облаченным в черное женихом принцесса Севастьяна сияла, как звезда.

Но едва карета скрылась за поворотом и Даррит поставил Омарейл на ноги, над собравшимися раздался мощный голос:

— Узрите, слепцы! Она — среди нас. Каждый шаг ее — шаг в бездну.

«Мир Ленар! Это Мир Ленар», — понесся гомон среди толпы. Омарейл начала озираться и наконец увидела его. «Мессия» стоял на цоколе одного из зданий, что ограничивали площадь, у основания толстой колонны. Возвышаясь над толпой, он говорил в специальное устройство, собранное конусом из бронзовых листов, скрепленных болтами. Оно усиливало его голос многократно, позволяя звуку достигать не только каждого уголка площади Храма Света, но и соседних улиц.

— Конец приближается! И сегодня мы узнаем правду! Есть одно истинное пророчество. Доказательство, которое не оставит сомнений в том, что Ордор ждут перемены! И я вам его предоставлю. Предоставлю, чтобы у вас больше не было сомнений. Правда, которая навсегда положит конец всем кривотолкам!

Омарейл слушала как замороженная, но Даррит твердо подхватил ее под локоть и потащил за собой, расталкивая людей. Выступление Ленара придало ему сил, и собравшиеся будто бы даже сами расступались перед ним.

— Ты что, не хочешь послушать, как наступит мой конец, Норт?

— Это еще не конец.

Голос Мира Ленара доносился до них все время, пока Норт и Омарейл добирались до лавки Часовщика. Сперва они слышали его вполне отчетливо. Ленар обещал раскрыть какой-то большой секрет, доказать, что был прав все это время. Затем речь

его стала неразборчивой. Зато хорошо был слышен возбужденный гомон толпы.

Через большие окна с частым переплетом было видно, что лавка пустовала. Не переставая озираться, боясь снова столкнуться с гвардейцами, Омарейл вошла внутрь. Звякнул колокольчик на двери, скрипнули половицы. В помещении царила атмосфера безмятежности: пылинки в свете солнца медленно танцевали в воздухе, мерное тиканье сотен часов убаюкивало. Бронзовые корпуса, стеклянные циферблаты и выставленные для обозрения механизмы ловили блики или прятались в тени.

— Может, он тоже пошел посмотреть на Севастьяну? — предположила принцесса.

— И не закрыл лавку?

Даррит задумчиво провел ладонью по деревянной прилавку, обогнул его и заглянул в проем, что вел в подсобное помещение.

— Время — податливая материя, — раздался оттуда хриловатый голос, — но не настолько, чтобы его так тянуть.

Переглянувшись, Даррит и Омарейл прошли в небольшую комнату. Часовщик сидел за столом. На его лице, как и прежде, был окуляр с кожаными ремешками, которые расходились от внушительного объектива и обнимали голову, виски и щеку, как щупальца кальмара. Несколько дополнительных увеличительных стекол крепились к основному, чтобы можно было рассматривать мельчайшие детали часовых механизмов. Последних в помещении было не счесть.

— Добрый день. Меня зовут Норт Даррит, и у меня в книге...

Часовщик не позволил закончить фразу. Он встал и резко сорвал с пола небольшой ковер. Когда пыль чуть осела, на каменной поверхности стал заметен высеченный циферблат не меньше метра диаметром. Ткнув длинным узловатым пальцем в угол комнаты, старик жестко сказал:

— Там на полке — Турбийон. Возьми его.

Круглый механизм размером с тарелку состоял из множества шестеренок и металлических пластин. В самом центре похожие на лапки насекомого детали удерживали диск с выгравированной осой. Под ним плавно вращалась тонкая металлическая спираль. С сомнением во взгляде и осторожностью в движениях, как Шторм некоторое время назад держала руль автомобиля, Даррит взял Турбийон с двух сторон и сделал шаг к Часовщику.

Но тот вновь остановил его, приказав:

— Встаньте оба в центр циферблата и крепко держите Турбийон.

С этими словами Часовщик открыл неприметную дверь, спрятавшуюся между двумя стеллажами. Омарейл ошеломленно уставилась на то, что скрывалось за нею: сотни, если не тысячи шестеренок, стеклянных колб и металлических труб наполняли комнату, делая ее похожей на огромную коробку для гигантского механизма. В самом центре к потолку был подвешен маятник в человеческий рост.

Часовщик подошел к нему и обернулся. Даррит и Омарейл с нескрываемым интересом смотрели на непрестанно движущиеся детали. Вставить в центр изображенного на полу циферблата они не спешили.

— Вы что, оглохли? — грубо спросил старик, а затем, словно решил снизить до вежливой просьбы, произнес: — Будьте добры, любезные, встаньте куда велено.

— Мне кажется, самое время объяснить нам, что происходит, — заявил Норт.

— Верно. Тебе кажется. — Сомнений быть не могло, Часовщик ухмылялся.

— Кто вы такой и что это все значит? — не сдавался Даррит.

Он сделал шаг, как будто хотел зайти в комнату с маятником, и Омарейл заметила, как это движение заставило Часовщика напрячься. Вопреки голосу рассудка, она испытывала неясное чувство доверия к старику, поэтому схватила Даррита за рукав.

— Это же была твоя идея, послушаться книжку, — заметила она негромко.

Вопросительно подняв брови, Даррит взглянул на принцессу, словно не мог поверить, что она не на его стороне.

— Давай сделаем, что он говорит, и будь что будет. Ну что такого может произойти, если мы встанем на нацарапанный на полу рисунок?

Несколько секунд Норт внимательно смотрел ей в глаза, и Омарейл начала думать, что он откажется.

— Уверена, сразу после мы получим все объяснения. А пока он слишком нервничает, чтобы отвечать на наши вопросы.

Они посмотрели на Часовщика, который ответил им крайне нетерпеливым взглядом. Окуляр воинственно блеснул, отразив латунный маятник.

Даррит и Омарейл медленно шагнули в начертанный на полу круг.

Удовлетворенно кивнув, Часовщик принялся раскачивать маятник, считая вслух:

— Один, два, три...

Шестеренки в комнате начали вращаться быстрее, из некоторых труб пошел пар.

— ...четыре, пять, шесть, семь...

Стало шумно, и казалось, что-то должно непременно взорваться, выйти из строя, воспламениться.

— ...восемь, девять, десять, одиннадцать...

Норт поднял Турбийон повыше, чтобы иметь возможность получше рассмотреть механизм, и принцесса против воли тоже взглянула на загадочный предмет. Тот мягко гудел.

— ...двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Спираль на Турбийоне начала вертеться с невероятной скоростью.

— ...шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать...

Омарейл взглянула на Даррита — тот замороженно следил за механизмом, блики таинственно играли на его лице.

— ...двадцать один, двадцать два, двадцать три... — громко и монотонно, почти нараспев говорил Часовщик, продолжая ритмично качать маятник.

— двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь...

Он резко остановил качающийся диск.

Была ли это лишь игра света и тени на металлических гранях или в центре Турбийона начала появляться черная воронка? Оса завибрировала.

Мир пошатнулся.

Глава 2

Притом песчанника

Невидимая волна прошла сквозь Омарейл, а затем воронка на спирали начала затягивать принцессу в свою черную глубину. Вселенная вздрогнула, и все закончилось. Даррит все так же стоял рядом и сжимал Турбийон.

Потребовалось несколько секунд, чтобы Омарейл пришла в себя и обратила внимание на обстановку комнаты — а та заметно изменилась. Расположение двери и отсутствие окон говорили о том, что это было то же помещение, но теперь вместо множества часов на полках стояли бесконечные ряды книг. Присмотревшись, принцесса увидела, что книги расположились и на полу, стопками разной высоты создавая причудливый ландшафт. Пахло тоже иначе: старой бумагой, библиотечной пылью и деревом. Дверь, ведущая к шестеренкам, была заперта.

Даррит и Омарейл переглянулись, но не успели обменяться и парой слов, как раздался знакомый голос:

— А вот и вы!

Обернувшись, принцесса обомлела: в дверном проеме стоял господин Лодья. В последний раз с учителем истории из Астардара они виделись в Клоустене, когда он помог Дарриту после нападения. И вот Лодья снова появился на их пути, но сейчас он выглядел гораздо моложе: в светлых волосах не проглядывала седина, лицо было глад-

ким, хотя морщины на высоком лбу уже прочертили несколько полос.

Омарейл впервые по-настоящему смогла увидеть и осознать, как возраст меняет людей, в то же время сохраняя знакомые черты. Вот только она боялась думать, почему этот мужчина так внезапно помолодел.

— Полагаю, вы ждете объяснений? — скушаяще уточнил тем временем Лодья. — «Где мы? Что происходит?» Садитесь. — Он указал на круглый стол и добротные деревянные стулья.

Даррит не отрывал от мужчины взгляда, будто в любой момент ожидал нападения. Омарейл же слишком хотела услышать ответы на вопросы, крутящиеся, как верно угадал Лодья, в ее голове. Поэтому она приняла приглашение и даже согласилась на чашку чая.

— Меня зовут Лодья. Тон Лодья, но прошу называть просто Лодья, — сказал он, снимая с небольшой печки чайник.

— Да мы, вообще-то, знаем, как вас зовут, — ответила Омарейл, и тот с грохотом опустил чайник обратно на угли.

— Не говорите ничего! — Лодья поднял руки. — Если, по-вашему, мы и встречались раньше, я не должен об этом знать. Садись уже, — обратился он к Дарриту, — я не опасен. И бежать никуда не собираюсь, если ты этого боишься. Я здесь исключительно для того, чтобы помочь вам.

— Помочь с чем? — уточнил Даррит, соглашаясь наконец сесть.

— Этого я не знаю.

— Вы издеваетесь?! — воскликнула Омарейл, а Норт раздраженно застучал пальцем по столу.

Лодья налил две чашки крепкого черного чая и поставил их перед гостями.

— У вас есть какая-то проблема, — терпеливо пояснил он, — и Часовщик отправил вас сюда, чтобы решить ее. Моя задача — объяснить, что к чему, как это все работает, а затем отправить обратно.

— Сюда — это куда? — озвучил Норт витающий в воздухе вопрос.

— В прошлое, дорогой мой друг, в прошлое.

Первую порцию чая сменила вторая. Омарейл все еще чувствовала себя немного глупо, думая о путешествии во времени всерьез. Она не могла уложить в голове, что Турбийон отправил их сквозь года. Но других объяснений не находилось: никакой розыгрыш или обман не смог бы так омолодить человека и изменить интерьер комнаты за считанные секунды. Если верить Лодье, они оказались в 535 году Доминасолис, то есть за пять лет до рождения Омарейл и за двадцать семь лет до свадьбы Бериота и Севастьяны.

Увы, на вопросы о научной составляющей, которая интересовала Даррита, ответов не было. Проводник — именно так называл себя Лодья — знал только, что с помощью Турбийона и маятника Часовщик мог отправлять людей в прошлое. Как работал этот механизм, Проводника не касалось.

— И что любопытно: я могу быть вообще никак не связан с Путешественниками. Это пятое перемещение, для моих современников прошел месяц, для меня уже около двух лет. При этом Путешественники, которым я помогал, были из других времен. Вот вы сказали, что вернулись на двадцать семь лет назад, а я только на двадцать два. Между моим родным, так сказать, временем и вашим — пять лет.

У Омарейл голова шла кругом. Но одна мистическая история наконец получила объяснение. Директор школы Дан Дольвейн как-то рассказал принцессе, что Лодья был его ровесником, и ее это очень удивило: учитель истории выглядел гораздо старше. Дан сказал, что в одно лето Лодья внезапно постарел. Теперь Омарейл знала: просто несколько лет своей жизни этот человек провел, путешествуя сквозь года.

— Все это очень интересно! — с энтузиазмом заявил он. — Если рассматривать время как...

— Вы давно здесь? — остановил Даррит готового пуститься в рассуждения Лодью.

Тот совсем не обиделся и с неменьшим удовольствием ответил:

— Два месяца. Точный день или час поймать трудно. Это неплохой результат. В прошлый раз я ждал Путешественника почти год. К счастью, это была эпоха после короля Сола. К счастью — потому что во времени межплеменных войн я взвыл спустя неделю. Туда я предпочел бы больше не отправляться!

Омарейл вспомнила уроки истории. Рассказы господина Лодьи о событиях прошлого всегда получались такими яркими, такими достоверными, что Омарейл казалось, он видел все собственными глазами. Выяснилось, что это была не просто фигура речи.

— Должен сказать, новости вы приняли весьма достойно, — заметил он. — Кое-кто из Путешественников даже лез в драку, желая услышать «правду». Другие до последнего не верили мне. Доказывать факт путешествия во времени — утомительное и скучное занятие.

— Как бы невероятно ни звучали ваши слова, теперь кое-что прояснилось, — отозвалась Омарейл. — Но если это все правда, как это может нам помочь?

Но ответа не было. Часовщик считал, Проводнику не следовало знать, с какой проблемой явились Путешественники. Все, что ему полагалось, — объяснить принцип и помочь в бытовых вопросах: предоставить современную одежду, дать крышу над головой.

— Что ж, думаю, мы и сами догадываемся, что именно нужно изменить, — сказала Омарейл и взглянула на Даррита.

Тот нахмурился, лицо его выражало сомнение.

— А вот здесь самое интересное. — Лодья даже подвинулся на край стула, так был воодушевлен тем, что собирался рассказать.

Омарейл ощущала исходящие вибрации восторга.

— Изменить ничего нельзя.

Ее желудок неприятно сжался.

— Поясните, — закатив глаза, попросила она.

Какой смысл возвращать их в прошлое, если они не могут ничего изменить? Какой тогда вообще смысл в путешествиях во времени?

— Вы можете повлиять на свое будущее, но не на прошлое. Все, что для вас двоих уже произошло, — случилось. Оно не изменится, как бы вы ни старались.

Омарейл недоуменно подняла брови:

— Но если мы, например, пойдем и убьем Сову, будущее — в смысле, наше прошлое — уж точно изменится.

Лодья снисходительно улыбнулся. Судя по интонациям, ему приходилось объяснять правила не один раз:

— Если для вас это не произошло, значит, вы этого не сделали. А причин может быть сотня. Начиная с того, что вам кто-то помешал, и заканчивая тем, что вы не убийцы и не каждый способен лишить жизни другого человека.

— А если... — начала было Омарейл.

— Любое «если», — устало прервал ее Лодья, — найдет свое объяснение. Например, вы кому-то что-то расскажете в надежде предупредить, но человек может вам не поверить, может принять решение действовать не так, как вы хотели бы, может совершить ошибку. Да он может потерять память и забыть ваш разговор! В итоге все в любом случае сложится так, как сложилось. *Изменить ничего нельзя.* Все произойдет так, как произошло.

— Тогда зачем...

— Вы здесь, чтобы произошло то, что должно. Вы совершите какие-то действия, которые повлияют на ваше прошлое или будущее. Возможно, вам даже известно об этих событиях, просто вы пока не знаете, что они — ваших рук дело.

Омарейл не нравилось то, что она слышала.

— Звучит так, как будто все предрешено. Что бы мы ни сделали, все будет так, как будет...

— Напротив! — воскликнул Лодья. — Эх...

Он досадливо потер лоб, подыскивая правильные слова.

— Понимаешь, ты сама творишь свою жизнь, и то, что в ней произошло, — результат твоих действий.

— Со всем уважением, вы глубоко заблуждаетесь, — мрачно отозвалась принцесса, тут же подумав про Сову и ее предсказание.

Вот уж на что она совершенно никак не повлияла!

— Просто послушай: один мальчишка изучал в школе историю. А потом отправился в прошлое и стал участником тех самых событий, о которых слушал на уроках. Можно было бы подумать, что сейчас он исправит все несправедливости, раскроет людям правду и вообще предотвратит смерть Урдрика. Только учился он из рук вон плохо, поэтому не помнил, что именно произошло. В результате действовал интуитивно — так, как считал нужным в той или иной ситуации. И все случилось как случилось. Не потому, что «судьба!», и не потому, что все было предрешено, а потому, что стечение обстоятельств и решения, принятые этим парнишкой, могли сформировать только такую реальность. В итоге он попал в учебник, но не под своим именем, а под вымышленным, которое выбрал для себя во время путешествия в прошлое. Это все очень увлекательно, на самом деле...

Возбужденная улыбка исчезла с лица Лодьи, когда он встретился с хмурым взглядом Даррита.

— Но расскажу вам об этом как-нибудь в другой раз...

Омарейл же с сомнением протянула:

— Звучит, конечно, любопытно, но если мы не можем изменить то, что исковеркало всю мою жизнь, я не понимаю, зачем все это нужно.

— А ты уверена, что готова была бы рискнуть и изменить все? Если бы, теоретически, ты изменила то, что кажется ключевым моментом, то все,

что было после, произошло бы по-другому. Ты была бы готова вернуться в иное будущее? В будущее, где не было этого важного события?

Омарейл задумалась. Если бы такой разговор состоялся еще пару лет назад, она бы точно ответила утвердительно. Но теперь... теперь, вопреки голосу разума, ей хотелось сказать «нет». Какой принцессой она бы стала, не будь пророчества? Какими из-за ее дара стали бы окружающие? В какой Ордор она бы вернулась?

— И все же... — игнорируя вопрос, отозвалась она, — если я не могу ничего изменить, для чего Часовщик отправил нас сюда? Я понимаю, что могу изменить свое *будущее*, — последнее она произнесла чуть язвительно, чтобы дать понять, насколько скептически относилась к такой перспективе, — но это все так ненадежно, так... сложно. С неменьшим успехом мы могли просто... поймать Сову, запереть ее в каком-нибудь подвале, а в это время отменить пророчество.

Омарейл знала, что они не стали бы действовать по такому плану: слишком многое могло пойти не так, а Сова была слишком сильным эксплетом. Принцесса помнила, как однажды Даррит внушением едва не заставил спортивного, сильного Мая спрыгнуть с лодки, так что дар эксплета был способен противостоять физической угрозе. Уж если Совалия Дольвейн сумела убедить целое королевство в том, что новорожденную принцессу следовало запереть в башне, справиться с несколькими гвардейцами смогла бы и подавно. Идти по пути насилия означало недооценивать противника.

— Дай себе время, — Лодья мягко улыбнулся, — время все расставит на свои места.

— Вам известно, сколько мы здесь пробудем? — подал наконец голос Даррит.

Судя по тому, как долго он молчал, Норт *думал*. Омарейл даже не была уверена, что он слышал все, о чем рассуждали его собеседники. Теперь, выныр-

нув из собственных мыслей, он подошел к делу рационально.

— Один момент. — Лодья взял со стола Турбийон. — С его помощью вы вернетесь в свое время. Плюс-минус. Я постоянно оказываюсь на пару часов раньше. Этот циферблат, — Лодья ткнул пальцем в сердце механизма, — показывает, сколько осталось до возвращения. Это — не часы и минуты, а дни и недели. Судя по всему, у вас около двух недель, даже меньше. Станет понятнее через несколько дней. Сейчас послушайте внимательно: чтобы вернуться в свое время, в тот момент, когда стрелки будут на полуночи, вы должны быть в этой комнате. Должны оказаться на том же самом месте, куда сегодня переместились, и должны держать Турбийон. Запомнили?

Омарейл и Даррит молча кивнули, проникаясь важностью услышанного.

— Когда стрелки будут на полуночи, Турбийон вернется в свое время, и его не будет волновать, вернулись ли Путешественники вместе с ним. Шанс только один.

Теперь принцессе стало не по себе. Лодья говорил так напористо...

— Бывали случаи, когда Путешественники не успевали?

— Бывали.

Внутренности Омарейл сжались болезненным спазмом. Ощущение глубокого отчаяния передалось от Лодьи, заставляя отнестись к его словам со всей серьезностью.

— Вы сказали, поможете с крышей над головой? — стараясь отделиться от чужих эмоций, спросила Омарейл. — Если у нас две недели на миссию, что бы это ни было, нужно где-то обосноваться.

Лодья снимал квартиру в паре кварталов от лавки. В ней обнаружили две свободные спальни, кроме того, имелась кухня, столовая и «ватерклозет».

— Большая удача, между прочим, — заметил Лодья, постучав по деревянной двери, — во многих домах отходные места расположены прямо на лестнице или имеют ретирадники во дворах. Здесь хороший домовладелец, внедряет у себя все новинки. Это все еще не канализация, к которой мы привыкли, — ее начнут вводить в широкое использование только через пять лет, — а лишь ее зачатки. Интересная система, труба ведет вниз к выгребной яме... — Поймав взгляд Даррита, Лодья прервал лекцию и коротко сказал: — Баня через два дома отсюда. Таз и кувшин — в умывальне. Водовоз приходит каждое утро, но будьте экономнее.

Показав кладовку с продуктами и металлическую плиту, которую следовало топить углем, хранящимся тут же, Лодья вернулся в лавку. Путешественники остались одни. Кухня и столовая были объединены здесь в одну комнату, и поэтому, когда Даррит стал готовить чай, Омарейл села тут же за овальный обеденный стол, задумчиво подперев голову кулаком.

— «Что может произойти, если мы встанем на сделанный на полу рисунок?», правда? — произнес Норт, явно передразнивая Омарейл.

Принцесса внутренне возмутилась, но ответила спокойно, нарочно чуть растягивая гласные, как это делал при разговоре он:

— «Думаю, встреча с Часовщиком не продлится долго».

Она фыркнула. Он тоже слегка усмехнулся.

— Это ведь все правда, Норт, — заметила Омарейл после паузы, во время которой он добавил в чайник заварку и сахар. — Я обратила внимание на прохожих, пока мы шли по улице: все одеты по моде тридцатых годов.

— Вы, как всегда, наблюдательны. Я тоже попытался получить доказательства и заглянул в почтовый ящик одной из квартир, пока мы поднимались по лестнице. На почтовом штампе значился тридцать пятый год. Едва ли кто-то обратил бы внима-

ние на такую мелочь, будь все это разыграшем или чьим-то хитрым планом.

— Согласна, — кивнула принцесса, а затем задумчиво продолжила: — Сегодня двадцать пятое число восьмого месяца... Пропустили лето, — и, не дождавшись ответа, сказала: — Я думаю, что даже если у Мира Ленара есть какие-то *доказательства*, о которых он вещал на площади, нам нужно что-то, что будет еще мощнее. Аргументы, которым никакие «доказательства» не помогут. И, видимо, нам нужно подготовить их здесь и сейчас.

— Это должно быть что-то, что не просто разобьет версию Ленара, — поддержал Даррит, ставя на стол чашки с чаем и усаживаясь напротив Омарейл, — но и будет ясно говорить: «Предсказание — ложь».

— Да, и «Сова — мошенница», — охотно отозвалась Омарейл. — Мы обязаны как-то воспользоваться тем, что оказались в прошлом.

Лицо Даррита снова стало отрешенным.

— Это — конечно, — проговорил он, но затем взгляд его сделался сосредоточенным, не дав Омарейл времени обдумать многозначительный тон. — Например, сделать другое предсказание.

— Но оно не может быть оглашено до предсказания Совы, — медленно произнесла Омарейл, забыв про чай. — То есть, судя по тому, что говорит Лодья, оно *не будет* оглашено по крайней мере до свадьбы Севастьяны, иначе мы бы об этом знали.

— Разумеется. Никто не должен знать о нем до поры до времени.

— Нужно написать его и спрятать. — Принцесса встала и начала расхаживать по комнате, так идея вдохновила ее. — Причем спрятать так, чтобы сомнений не оставалось: оно было сделано еще до моего рождения.

Даррит откинулся на спинку стула:

— Вернувшись, нам останется публично обнаружить его и прочесть.

Его взгляд блуждал по комнате, будто он мысленно искал возможные дыры в плане.

— Что насчет газеты? — предложила Омарейл. — Возьмем сегодняшнюю газету с указанной датой и напишем предсказание на ней, а затем спрячем?

Задумчиво потерев подбородок, Норт все же покачал головой.

— Все выпускаемые газеты в двух экземплярах хранятся в архиве Печати Советника по Связям с Обществом. Знающие люди могут заявить, что мы просто взяли один из архива. Или даже что по приказу Короля была напечатана фальшивая. Не думаю, что ради свободы дочери и безопасности Ордора он не мог бы пойти на такую небольшую авантюру.

Повисла долгая пауза. Омарейл прошлась до кладовки, чтобы принести немного еды, и прибежала оттуда не только с печеньем, но и с идеей.

— Дерево! — воскликнула она. — Дерево, вот что уж никак не подделать.

Даррит заметно оживился:

— Это хорошая мысль.

— Иан Планта, еще когда приходил ко мне на аудиенцию как Патер Фортосдора, рассказывал, что в их краях есть дерево, в которое задолго до Сола врос топор. И оно считается священным местом лесорубов — якобы это Древо древ, которое не поддалось орудию человека. Каждый год люди приходят туда, чтобы поблагодарить лес за его дары. Завязывают на ветках цветные ленточки, поют песни... Что, если мы тоже найдем дерево и сделаем так, чтобы в него вросла, например, бутылка с посланием?

— Прекрасная идея. Думаю, правильнее будет взять не бутылку, а изделие из бронзы или меди, чтобы дерево не раздавило стекло. Поместим предсказание в металлическую шкатулку, а ее — в дерево, так будет надежнее.

Омарейл предложила пойти поискать что-нибудь в ближайших магазинчиках, но Даррит напомнил ей, что в этом времени был уже вечер. Лодья отправил-

ся в свою лавку, чтобы закрыть ее и навести порядок. Он должен был скоро вернуться домой.

— Поэтому предлагаю вам отправиться в свою комнату и лечь отдыхать. А я пойду прогуляюсь. — С этими словами Норт встал, убрал за собой чашку, после чего вышел из столовой, оставив чуть растерянную принцессу смотреть ему вслед.

Допивая остывший чай, Омарейл хмуро глядела в окно. Она была полна бурлящего желания поработать вместе с Дарритом план по уничтожению Совы, а он убежал, оставив ее одну. Если ему так захотелось прогуляться, мог бы предложить сделать это вместе! Неприятные ощущения появились под ребрами, дышать стало труднее. Глаза защипало, а горло сдавило, отчего невозможно было сделать вдох. Так ощущались ревность и обида — чувства, посещавшие Омарейл нечасто.

Спать решительно не хотелось. Допив чай и убрав со стола, она тоже вышла из квартиры.

В этом времени ее особенно привлекало то, что она могла совершенно спокойно ходить по улицам: никто не мог узнать ее, никто еще не пытался поймать. Правда, ей быстро напомнили о том, что совсем уж расслабляться не стоило: неприятные чувства, поселившиеся в душе, тут же начали расплескиваться на прохожих. Женщина, с которой Омарейл случайно столкнулась, воскликнула с несообразным ситуации надрывом:

— Да в чем же дело? Почему вы так неосторожны? Ваша бездумность причинила мне боль!

— Простите, госпожа, — отозвалась принцесса.

Быстро сообразив, в чем дело, она взглянула женщине в глаза:

— Мы лишь едва соприкоснулись локтями. Думаю, обе сможем справиться с этой травмой.

Несмотря на легкую насмешку в словах, через взгляд она постаралась передать спокойствие и надежду на лучшее.

Женщина глубоко вздохнула:

— Разумеется. Извините, не знаю, что на меня нашло.

Теперь Омареил добавила контакту чуть теплоты и юмора. Ее собеседница улыбнулась:

— Какая нелепость, право.

Принцесса улыбнулась в ответ:

— Все в порядке, я просто напугала вас. Не переживайте.

Настроившись на то, чтобы передать положительные эмоции женщине, Омареил и сама испытала внутренний подъем.

К тому же летний вечер в Астраре был прекрасен. Солнце, которого уже не было видно за домами, все еще освещало улицы, окрашивая их в желтый. Пахло пылью, теплым камнем и зеленью. Люди неспешно шли по своим делам: бежать никуда не хотелось.

Город не сильно изменился за двадцать семь лет, хотя многие повозки и конные трамваи выглядели чуть иначе, а платья у женщин были пышнее, чем во времена Омареил. Ее собственное сейчас казалось ну очень скромным: никаких рюшей и кружев. Автомобили отсутствовали, дирижабли не пересекали небо и не пугали огромными тенями, хотя и в привычном принцессе мире это средство передвижения оставалось скорее редкостью. Астрар показался Омареил незбылемым, вечным. Будто каменные стены и мощные улицы были здесь всегда и будут много веков спустя. Время не властно над этим городом.

Время... Омареил пыталась понять, почему так легко приняла новость о путешествии в прошлое, и решила, что до сих пор до конца в него не поверила. Все вокруг было реальным, наполненным повседневной рутинной. Вот если бы небо вдруг стало зеленым или у людей выросли вторые головы, ей было бы легче осознать, что произошло что-то необычное.

Принцесса держала свой путь к Королевскому каналу. Она прошла по улице Доблести, мимо дома, где будет жить или уже жил Пилигрим. Омареил посчитала, что будущему гвардейцу сейчас около десяти лет.

Королевский канал выглядел будто бы таким же, каким его помнила принцесса: та же прочная каменная набережная с высеченными ступеньками, та же чугунная ограда. Разве что теперь вдоль него росло больше деревьев, а на воде не было ни одной моторной лодки, только суда с веслами да паровые катера с огромными гребными колесами. А еще на небольших спусках тут и там девушки в простых серых платьях полоскали белье. Рядом с ними стояли огромные корзины с уже мокрыми тряпками, а сверху, на мостовой, ждали телеги.

Водопровод к домам Астрара стали прокладывать только при Эйгире, отце Омарейл. А двадцать семь лет назад в Ордоре правил Грог, ее дед. Именно его портрет висел в комнате Лебединой башни и скрывал тайный проход, по которому удалось сбежать из темницы. Эйгир же пока был молодым принцем, уже повстречавшим свою будущую принцессу, но только готовящимся связать себя узами брака. Он даже не догадывался, какие испытания принесет этот союз.

А что Сова? Где она была сейчас, что делала? Омарейл помнила, что господин Дольвейн, ее муж, служил Советником Короля, значит, Совалия уже была при дворе. Уже готовила Бериота — еще ребенка — к светлому будущему на посту отца. Дан же был совсем малышом.

Какими детьми были братья Дольвейны? Какой в молодости была Сова? До предсказания оставалось всего пять лет. Должно быть, у нее уже не было сердца.

А Даррит... Омарейл замерла. А родился ли Даррит? Она начала искать в памяти хоть что-то, что дало бы ответ на этот вопрос. Ему было двадцать семь, значит, они попали в год его рождения. Но дата — дата была ей неизвестна.

«А что, если он родился сегодня?» — вдруг мелькнула мысль в голове принцессы. Это объяснило бы его стремительное исчезновение: ведь он не знал, кем были его родители, не знал, кто оставил

его на пороге дома старой Фрай. Что, если именно сегодня он мог это выяснить?

Вся обида, что черной кляксой разлилась в душе Омарейл, испарилась. Ее место заняло чувство вины: надо же было быть такой эгоисткой, чтобы думать только о предсказании и собственной судьбе! А потом еще и обидеться.

Она обязательно узнает, что к чему, когда вернется в квартиру Лодьи! Желание все выяснить заставило ее ускорить шаг.

Несмотря на то что день неуклонно приближался к концу, воздух, напитавшийся солнцем, был все еще горяч. Но с Королевского канала тянул легкий ветерок, который делал прогулку весьма приятной. Омарейл прошла по набережной до самого указателя «Театральная площадь». Свернув, принцесса вскоре оказалась там, где впервые увидела и Штурм, и Мая. Подумать только, их-то точно еще и в помине не было!

Посреди площади, так же, как и двадцать семь лет вперед, стояла сцена, напротив которой разместились многочисленные скамейки. К концу подходил какой-то спектакль.

Омарейл не стала приближаться, продолжая свой путь вдоль домиков, что окружали площадь. На первых этажах здесь располагались лавки и мастерские. Место было пропитано духом творчества. Правда, сейчас путешественнице оставалось только разглядывать витрины, так как все уже закрылось. На одной из стеклянных дверей она увидела листок бумаги с написанными от руки словами: «Требуется продавец».

Принцесса остановилась и задумчиво потеряла подбородок. Им предстояло провести в прошлом две недели. Было как-то неудобно переключивать всю ответственность за еду и жилье на Лодью. Кроме того, Омарейл могли понадобиться деньги на другие вещи вроде одежды или хорошего мыла. Не спрашивать же каждый соль, честное слово! Вновь

обращаться к покеру ей не хотелось, а вот честный труд в такой лавке был бы правильным способом заработать.

Омарейл посмотрела на вывеску, окинула взглядом витрину: здесь делали и продавали изделия из кожи. Запомнив место, она кивнула своим мыслям и бодро пошла дальше.

В квартиру Лодьи она пришла, когда уже стемнело. По дороге принцесса искала, куда пристроить новое предсказание, но подходящего для их плана дерева не нашла: чем ближе к площади Храма Света, тем меньше зелени встречалось. Как писал о центральном «старом» Астраре один поэт, этот город был «приютом песчаника и известняка».

Ожидая встретить дома сердитого Даррита, сдержанно интересующегося, где она была так долго, Омарейл немного растерялась, обнаружив там только Лодью.

Следом вернулся и Норт и, увидев осуждающе-негодующий взгляд Омарейл, тут же сказал:

— Я ушел далеко, не рассчитал время.

— Уже стемнело, я волновалась! — возмутилась она.

— Но ты же сама вернулась пару минут назад, — заметил наблюдавший за сценой Лодья.

— И это были очень волнительные две минуты!

Пока Лодья готовил скромный ужин из жареных яиц и тушеных овощей, Омарейл решила поговорить с Дарритом. Постучав в дверь, что вела в его комнату, она ожидала мгновенной реакции, но ответ последовал не сразу. Наконец он открыл, но так, чтобы она не смогла пройти внутрь. Подавив возникшее раздражение, принцесса прошептала:

— Норт, когда у тебя день рождения?

Было любопытно наблюдать за изменениями в выражении лица и позе Даррита: такими незначительными, но означавшими так много. Плечи его чуть опустились — очевидно, спало внутреннее напряжение. Брови перестали сходиться на переносице.

сице, губы расслабились. Холодный, отстраненный, закрытый мужчина вновь стал родным и знакомым.

— Через неделю, — ответил он, отводя взгляд.

Омарейл застыла: отлично, узнала ответ, что теперь? Этот момент она не продумала. Ее не учили, что следует говорить в подобных ситуациях, чтобы не показаться грубой и бестактной.

«Ну что, будешь выяснять, кто тебя подкинул?» — даже в голове принцессы это звучало ужасно.

Поразмыслив, она подалась вперед, чуть толкнув дверь, и обняла замершего Даррита. Ей хотелось вложить в этот жест всю свою нежность, чтобы избавить Норта хотя бы от части той боли, что он испытывал. Не сразу, но это сработало. Он позволил себе обнять ее в ответ, легко сжал талию, мягко, но уверенно прижал к себе.

— Ужин готов, — раздался довольный голос Лодди, вышедшего в коридор. — А, вы обнимаетесь. Ну не торопитесь, я не буду убирать с плиты, чтобы не остыло.

Он развернулся и ушел обратно на кухню. Даррит и Омарейл по своему обыкновению отстранились, молча разошлись, а за ужином разговаривали, как будто ничего не произошло. Но обстановка явно стала менее напряженной.

Даррит тоже не нашел подходящего дерева и на следующий день собирался продолжить поиски.

— У меня есть пара, кхм, личных дел, — добавил он будто бы неловко, — поэтому, если не возражаете, завтра мы разделимся.

Омарейл пока не хотела говорить, что собиралась устроиться на работу, подозревая, что Норт сочтет это очередной сумасбродной идеей, поэтому просто ответила:

— Да, конечно.

Так закончился этот длинный день, в котором утро и вечер разделяли почти три десятилетия.

Глава 3

Луни

— Я предприимчивая и общительная, — уверенно заявила Омарейл. — Словоохотливая и могу найти общий язык почти с кем угодно.

— Вы нам не подходите, — был ответ.

Она сперва сочла это шуткой, однако мужчина, что сидел напротив, казался совершенно серьезным.

— Что вы имеете в виду — не подхожу? — возмущенно спросила она.

И тут же почувствовала взаимное негодование. Хозяин кожанной мастерской раскраснелся, лоб его покрылся потом.

— Вы выскочка. Самонадеянная, неисполнительная девчонка.

Постаравшись подавить раздражение, так и рвущееся наружу, Омарейл процедила:

— С чего вы это взяли?

— Ваша одежда, ваша манера речи и то, что вы ищете работу, вместо того чтобы помогать отцу или мужу, — все указывает на это. Молодой женщине не пристало ходить одной по лавкам и предлагать себя.

Несмотря на острое желание продолжить спор, принцесса вскочила со стула и вылетела на улицу. Как же ее возмутил и разозлил этот человек! Эмоции никак не поддавались контролю, так и рвались наружу. А ведь, учитывая, что они вернулись на четверть века назад, представления хозяина мастерской были

вполне соответствующими времени. Женщины уже могли получать образование, работать и даже занимать руководящие должности, но в сознании многих все еще были чьими-то женами или дочерьми, но никак не отдельными личностями.

Омарейл расстроилась, что план с работой провалился. Она уже вообразила, как будет продавать кожаные сумки и ремни. В этом она видела возможность не только заработать средства к существованию, но и получить новый интересный опыт.

За время учебы в школе и путешествия по Ордору принцесса по-настоящему осознала, насколько многообразной была жизнь. Жизнь, наполненная бесконечным множеством маленьких миров: несколько улиц прибрежного городка превращались в целую вселенную для компании мальчишек — в это же время их сверстники в столице пропадали в боксерском зале, а ребята из Фортосдора изучали лесной промысел, выходя с отцами на работу; театр создавал свою реальность для актеров, им казалось, что нет ничего важнее премьеры, а череда репетиций наполняла день, как корешки и соцветия наполняли кладовку травницы; чья-то жизнь сосредоточилась на небольшом отеле, чья-то — на целом городе.

Все это Омарейл принимала с жадностью голодного человека, дорвавшегося до еды, но ей постоянно казалось, что она что-то упускает. Невозможно было разглядеть каждую деталь, увидеть все, что наполняло повседневность жителей Ордора. *Работа* в самом будничном ее смысле казалась принцессе еще одной возможностью глубже понять природу вещей.

Идя вдоль ряда невысоких домов с расположенными на первых этажах лавками, она заметила еще одно объявление: искали управляющего магазином. Такая перспектива показалась ей даже интереснее. Омарейл не боялась, что опьянеет, почувствовав власть, к тому же она многое знала о грамотном распределении ресурсов, финансах и управлении.

Магазин одежды казался отличной площадкой для того, чтобы получить опыт руководителя, пускай и в таких скромных масштабах.

Принцесса с приливом энтузиазма вошла внутрь.

Сотрудники встретили ее холодными оценивающими взглядами. Омареил сразу сделала мысленную пометку: как только она займет должность, научит консультантов быть любезными с любыми посетителями, даже если на них не самое дорогое платье.

Однако этим планам тоже не суждено было осуществиться. Когда хозяин, проводивший беседу, с наигранным сожалением заявил, что ищет другого кандидата, Омареил со всем возможным спокойствием спросила:

— Какие именно качества вам требуются, господин...

Тут она замолчала с приоткрытым ртом: Омареил забыла имя хозяина магазина, хотя он называл его при знакомстве. Ее щеки мгновенно покраснели.

— Хорошая память для начала, — насмешливо ответил тот.

Наивно было думать, что она так легко получит работу. Негодуя и сердясь на себя и заносчивых владельцев лавок, Омареил нашла еще одно заведение — кафе «Луч», — которому требовалась официантка. Отбросив все нравоучения Даррита, она беспринципно использовала дар эксплета на управляющем, и тот согласился взять ее в качестве помощницы для старшего официанта. Но первый же час обучения новой должности заставил Омареил усомниться в правильности решения. Требований к ней было очень много, дел — по горло, а вот удовольствия работа не сулила.

— Если пьяные будут буяннить, распускать руки, мешать другим гостям — твоя задача мягко и ненавязчиво выпроводить их из нашего кафе.

Принцесса подумала, что для этого дар эксплета мог бы пригодиться.

— Если кого-то на тебя стошнит...

Омарейл не дослушала. Она молча сняла фартук, положила его на стол и вышла из зала. Управляющий проводил ее понимающим взглядом.

Обдумав все, Омарейл решила, что работа официанткой ей не подходит: во-первых, принцесса начала осознавать, что слишком брезглива по отношению к посторонним людям. Во-вторых, труд официанта слишком тяжел. Белоручкой она себя не считала, но все же рассчитывала найти что-нибудь полегче.

Принцесса брела по мощеному тротуару, пытаясь справиться с разочарованием. Омарейл не знала, что ждало ее в будущем, но предполагала, что возможность устроиться консультантом в магазин ей больше не выдастся.

А ведь она уже нафантазировала: придет домой, похвастается Дарриту, что нашла работу и обеспечила их деньгами. Наконец, не он, а она решила финансовый вопрос. И вот такой провал.

Тут взгляд ее упал на витрину с пестрыми ковриками разных размеров и цветов: одни, сплетенные из толстых нитей, подходили, чтобы вешать на стену, как панно, или класть на столик, другие же, из лоскутов ткани, предназначались для пола. Омарейл залюбовалась. Ей не доводилось видеть ничего подобного.

Через стекло она заглянула внутрь. Там за прилавком стояла женщина лет сорока. У нее были ярко-рыжие волосы и простое платье коричнево-кирпичного цвета. Принцесса решительно поджала губы и вошла внутрь.

— Здравствуйте, — с порога уверенно произнесла она: чтобы добиться успеха, следовало действовать бесстрашно и порой даже нагло.

Женщина чуть вздрогнула, словно не ожидала, что кто-то может заявиться в ее лавку, да еще так рано — дело не подошло и к полудню.

— Скажите, хорошо ли у вас идет торговля?

Взгляд охристо-карих глаз метнулся в один угол комнаты, затем в другой. Ни там, ни там не было от-

вета, почему дерзкая молодая особа задает подобные вопросы.

— Могло быть и лучше, — призналась наконец женщина.

— А что вы скажете, если я предложу вам за две недели увеличить продажи вдвое?

Да, амбициозно. Да, возможно, больше похоже на ложь и пустые обещания. Но Омареил действительно готова была приложить усилия, чтобы добиться такого результата! Чем не интересный вызов?

— Скажу, что два, умноженное на ноль, не слишком меня впечатлит, — пожала плечами женщина, чуть улыбнувшись.

Это была мягкая и ироничная улыбка, и Омареил рассмеялась в ответ.

А затем обе застыли, внимательно глядя друг другу в глаза. Потому что обе почувствовали эту *тишину*. Первой заговорила принцесса.

— Вы эксплет? — удивленно выдохнула она в ответ на весьма заинтересованный взгляд. — Позвольте представиться, я — Мирра.

— Госпожа Тулони, — отозвалась женщина.

Повисла пауза.

— Возьмете меня на работу? — спросила наконец Омареил.

— Мне едва хватает на то, чтобы арендовать эту лавку, дорогая моя, и то благодаря сезонным ярмаркам, — пожала плечами госпожа Тулони, — платить тебе мне просто нечем.

Но уж теперь уходить с пустыми руками принцесса точно не собиралась. Хозяйка — эксплет: такими знакомствами не разбрасываются. Поэтому она предложила госпоже Тулони выплачивать жалованье, только если коврики действительно начнут продаваться лучше обычного и у мастерицы появятся дополнительные средства.

Хозяйку лавки такое предложение устроило, тем более что Омареил определенно вызвала у нее любопытство.

— Можете начинать хоть сейчас, — сообщила госпожа Тулони, пропуская принцессу за прилавок.

Омарейл даже слегка растерялась: она уже смирилась с тем, что ничего не выйдет, и тут желаемое внезапно само приплыло в руки.

Она осмотрелась:

— А сколько стоят коврики? Нигде нет цены.

Госпожа Тулони пожала плечами:

— Это так трудно, назвать цену. Ведь я вкладываю душу в каждый из них...

— Что же вы говорите покупателям?

— Смотрю на коврик и решаю, какую цифру называть.

Омарейл закачала головой. Ей сразу вспомнилась Севастьяна, которая однажды захотела конный завод. Долго не решалась попросить его у родителей из-за высокой стоимости, а когда Омарейл заинтересовалась, какова же была цена, та призналась, что не знает. Просто Севастьяне казалось, что это должно быть дорого.

В Орделионе не было принято баловать детей: все, что они имели, было лучшим, но вот лишнего им не покупали — учили бережно обращаться с казной. Омарейл же попросила Бериота найти небольшое, но хорошее коневодческое хозяйство, и с удовольствием узнала, что ее денежного лимита на три месяца как раз хватало на покупку. К двадцатому дню рождения Севастьяна получила конный завод, который три года не приносил никаких денег — только радость и головную боль. В конечном счете его продали едва ли не в два раза дороже, так как завод приобрел статус королевского. Бериот остался очень доволен той сделкой, хотя и не получил никакой личной выгоды.

— Так не годится, — сказала Омарейл госпоже Тулони. — Кто-то, может, и хотел бы купить ваш коврик, но считает, что такая роскошная вещь ему не по карману.

— Но всегда же можно спросить!

Принцесса закатила глаза:

— Не каждый станет! Есть у вас бумага и чернила? Сделаем таблички с ценами на каждый.

В конечном счете целый день Омарейл и госпожа Тулони провели за этим занятием. Подписать все коврики оказалось не так-то просто, едва ли не над каждым хозяйка лавки вздыхала, ахала и уверяла, что вот этому просто цены нет. Поэтому, возможно, стоило отдавать их за бесценок. Ей так трудно давалось определение стоимости работы, что проще было подарить.

— Ах, госпожа Тулони! — вздыхала принцесса. — Ну вот тот, зефирный, стоит десять солей, этот почти такой же, а вы говорите — пять. Давайте тоже десять поставим? А лучше пятнадцать, тут ведь еще и ромбик, а не просто полоски.

— Пятнадцать! — воскликнула хозяйка лавки, хватаясь за сердце.

Омарейл сложила руки на груди:

— Скажите, сколько времени уходит на одну работу?

— Часов пять-семь.

— То есть почти целый рабочий день. А вы хотите продать его за две чашки кофе? Знаете, если вы не цените свои коврики, никто не будет.

Хозяйка лавки вздохнула. А потом задумчиво погладила висящий на стене бело-розовый.

— Зефирный?

— Ну да, он такой нежный, воздушный, похож на зефир.

— Удивительно, я, когда ткала его, представляла себе ванильно-клубничную пастилу!

Это привело к тому, что у Омарейл появилась новая идея: дать каждому коврику название. И теперь, помимо цены, они добавляли на карточку и его.

— Я приду завтра, и мы продолжим! — воодушевленная, принцесса покинула лавку в шесть вечера.

Есть хотелось невероятно, ведь на обед у нее был лишь пирожок, которым угостила госпожа Тулони. Денег не было, а стало быть, и возможности купить что-то по пути. Живот скручивало от голода, думать

о том, чтобы искать дерево, подходящее для фальшивого предсказания, не было никаких сил. Решив, что займется этим сразу после ужина, Омарейл поспешила домой.

Даррит где-то пропал, Лодья тоже еще не вернулась. Приготовив яичницу, принцесса поужинала в одиночестве. Для человека, который всю жизнь провел в полнейшей изоляции, ей на удивление остро не хватало компании. Не во время еды, нет — вообще. Они попали в прошлое, а ей не с кем было разделить невероятность события. Лодья сразу дал понять, что не желает знать ничего о Путешественниках или своем будущем. Даррит же стал еще более замкнутым, чем обычно. Утром он почти не разговаривал, а вечером пришел домой, когда Омарейл уже была в кровати — она не нашла в себе сил в одиночку отправляться на прогулку по вечернему Астрару. Если бы он позвал ее, предложил обсудить, как прошел день, захотел увидеться, то выяснил бы, что перед сном в темноте своей комнаты принцесса плакала от обиды и его безразличия. Но он не постучал, не попытался поговорить, не дал понять, что она все еще важна для него.

Разумеется, внутренний голос Омарейл взывал к совести: Норт попал в год, когда появился на свет, и, возможно, теперь пытался раскрыть самую главную тайну — тайну своего рождения.

Но тот же внутренний голос сухо замечал, что если бы Даррит соизволил обменяться с принцессой хоть парой слов, она узнала бы обо всем наверняка, а так оставалось только строить догадки.

Смакуя мгновения особой жалости к себе, Омарейл мысленно негодовала: она тоже испытала немало потрясений, но не стала вести себя холодно и отстраненно.

Утром принцесса вошла в кухню мрачная, как февральский вечер. Лодья и Норт сидели за столом и оживленно беседовали. Омарейл сдержанно ответила на их приветствие и мученически вздохнула.

— Я налью вам чай, садитесь, — совершенно не глядя на нее, сказал Даррит.

Он был увлечен разговором и не обращал внимания на печальное лицо принцессы. Она сердито поджала губы, но села.

— То есть Турбийон, по сути, один, и он всякий раз возвращается в свое время, — говорил Даррит увлеченно. — Но сейчас их здесь два — один ваш, один наш.

— Именно так, — с улыбкой человека, наслаждающегося беседой, ответил Лодья. — Потому что Путешественники попадают ко мне, в прошлое, из другого времени, не из моего.

Норт запустил руку в волосы, взъерошил их и задумчиво произнес:

— Получается, что для Часовщика проходит не один год, прежде чем он отправляет Путешественника к вам. Он ведет учет? Записывает в блокнот, кого куда отправил?

Налив чай, Даррит подхватил с плиты кусок пирога и поставил все это перед Омарейл. Встретившись с ней взглядом, он чуть улыбнулся — мимолетно, едва заметно, — и она с раздражением поняла, что обида отступает. Тело наполнялось теплом. Она этого не хотела! Она намеревалась высказать Дарриту все, что думала по поводу его отсутствия в такой важный момент. По поводу его черствости. По поводу того, что он не делился с ней тем, что было важно для него, наконец! Будто они были чужими людьми.

Мужчины продолжили разговор, пока Омарейл молча ела завтрак. Затем Лодья взглянул на часы, что крепились цепочкой к карману его жилета, и торопливо начал собираться.

— Моя помощница, конечно, уже пришла, но я очень не люблю опаздывать, — поделился он. — Время, знаете ли, терять не стоит, — добавил он с многозначительной улыбкой.

Когда он ушел, в комнате наконец воцарилась тишина. Даррит сосредоточенно нарезал копченое мясо, стараясь сделать тонкие ломтики, и все еще

не замечал мрачного настроения Омарейл. Она устала ждать, когда он наконец обратит внимание на ее недовольство, и уже собралась высказать все вслух, как он поднял взгляд и спросил:

— Вы на меня злитесь?

Будто бы и не было вчерашних слез, принцесса с доброжелательным недоумением и даже нотками снисходительности спросила:

— С чего ты взял?

Он чуть пожал плечами и встал, чтобы снять с плиты разогретые лепешки.

— Я подумал, что вы обиделись из-за моего позднего возвращения. Не вышли из комнаты, когда я вернулся. Сегодня молчите.

Почему ей не хотелось соглашаться?

— Я просто уже спала.

— Вы не спали.

Она вопросительно подняла бровь, борясь с желанием крикнуть что-нибудь сердитое. Но раз уж она решила изображать безразличие, то спокойно спросила:

— Почему ты так решил?

— Слышал, как вы плакали.

И тут Омарейл вскипела.

— Слышал и пошел спать?! — воскликнула она.

Даррит поставил на середину стола лепешки и нарезанное мясо.

— Если это что-то меняет, я пошел не спать, а читать.

— Луна и Солнце, разумеется, это ничего не меняет!

Он сел. Растерянно отломил кусочек лепешки.

— Создается впечатление, что рассердило вас не мое позднее возвращение, — задумчиво произнес он, — и не то, что вчера я совершенно не посвятил время нашему общему делу. Но что тогда?

Омарейл устало потерла лицо.

— Ничего, — буркнула она и сделала глоток чая.

— Дело ведь не в том, что я вчера не провел с вами время?

Она мысленно застонала: разговор становился все хуже и хуже. Признаться, что дело было именно в этом, принцесса не хотела даже самой себе, а уж Норту не сказала бы и подавно. Отрицать — значило придумывать другую достоверную версию. Надо было с самого начала соглашаться, что причиной была недостаточная вовлеченность в их миссию!

В конечном счете она решила избежать прямого ответа и поинтересовалась:

— Если ты слышал, что я плакала, почему не зашел, не спросил, что случилось?

— У вас предостаточно поводов для слез, все они мне известны. — Омарейл неверяще покачала головой, услышав такой ответ. — Но я предположил, что вы бы не хотели выходить ко мне в таком состоянии. Мало кто любит быть застигнутым в минуту слабости.

Принцесса хмуро смотрела на него.

— Я решил дать вам время успокоиться и обсудить все утром.

Возмущенная, но не находя нужных слов, она просто шумно дышала, глядя в спокойные синие глаза.

— Я был неправ? — уточнил он участливо.

«И да, и нет!» — раздраженно подумала Омарейл. В самом деле, кто знает, чего она могла наговорить вчера на эмоциях. Да и если посмотреть с точки зрения Норта, он действительно не сделал ничего плохого. Наконец ее плечи опустились, тело расслабилось.

— Ладно, забудем об этом, — и, помолчав, сообщила: — Я нашла работу на эти две недели.

Эта новость Даррита сперва удивила, а затем развеселила.

— Вы серьезно взялись за изучение подданных, Ваше Высочество.

— Я вчера не смогла нормально поесть, пока была в городе, потому что оказалась без соля в кармане.

— Понимаю, это серьезная мотивация, — отозвался Норт насмешливо.

Принцесса лишь презрительно фыркнула и начала делать сэндвичи из лепешек и мяса.

— Так как я теперь работающая женщина, заберу это с собой. Зарплату мне пока не платят, так что...

— Куда вы устроились и сколько нынче стоит труд королевской особы?

Омарейл огляделась, заметила вчерашнюю газету и завернула в нее свой обед.

— В магазин. Помощницей.

Даррит выжидающе смотрел на нее, и принцесса была вынуждена продолжить:

— Зарплаты пока нет, мы договорились, что я сначала что-нибудь продам.

Она видела, что Норт с трудом сдержал удивленный смешок, но затем справился с собой и совершенно серьезно сказал:

— Желаю вам успехов. Стало быть, вы сейчас отправляетесь на работу?

Омарейл кивнула:

— Но собираюсь идти туда по новому пути, чтобы поискать дерево. Вчера ничего подходящего не нашла, кругом один камень. Нужно будет заняться озеленением Астрара, когда вернусь.

— Я сегодня тоже сосредоточусь на нашем деле. А сейчас, может быть, проводить вас?

— Будет правильнее, если мы разделимся, — ответила принцесса. — Две недели — небольшой срок. Хотелось бы поскорее найти место, чтобы спрятать предсказание, и немного расслабиться. Я планирую идти на юг.

— Тогда я охвачу западную часть, — кивнул Норт. — Думаю, нам нужно воспользоваться тем, что в нашем времени половина Ордора собралась на улицах Астрара. Публично вскрыем нашу капсулу и продекламируем предсказание сразу, как вернемся. Поэтому нужно изучать те улицы, на которых в день свадьбы будет достаточно много народа.

Омарейл предложила Дарриту в случае неудачи поискать подходящее место вместе, когда она вернется. Договорившись встретиться дома около шести, они расстались.

Разговор с Нортон поднял Омарейл настроение, поэтому по пути в лавку она, воодушевленная, мысленно составляла план, как будет делать из лавки госпожи Тулони самый известный магазин в округе.

Госпожа Тулони встретила ее с теплой улыбкой и свежееиспеченными пирожками с яблоками. А затем показала своей помощнице коврик с полосками карамельного, светло-коричневого и тепло-зеленого оттенков.

— Я вдохновилась цветами яблочного пирога. Когда смотрю на этот коврик, даже чувствую запах теплой выпечки, ванили и печеного яблока.

— Ох, госпожа Тулони, это же прекрасно! А знаете что?

Омарейл возбужденно выбежала на улицу, чтобы посмотреть на витрину. Затем вернулась к хозяйке лавки.

— Ведь самая большая трудность в том, чтобы заставить прохожих зайти в лавку, верно? Уж если они здесь окажутся, с пустыми руками мы их не выпустим! Но чтобы заманить покупателей, нужно придумать что-то интересное. Давайте все время менять оформление витрины, выставлять туда коврик и то, что вас вдохновило. Прямо сейчас повесим «Яблочный пирог» в центре, а рядом положим пирожки. И сделаем большую красивую табличку.

Наконец-то принцессе пригодились уроки каллиграфии! Сколько чернил и слез она пролила над различными дуктами, пытаясь вывести по ним красивые буквы. И вот навык оказался полезен. А пока она создавала композицию, госпожа Тулони сходила в лавку неподалеку и купила там несколько яблок. Теперь витрина вызывала любопытство и желание зайти в магазинчик.

В тот же день у них побывало трое посетителей. С первым говорила хозяйка, он ушел с покупками. Второму же госпожа Тулони показала все, что было, и даже мешочки с пряжей разных цветов, что стояли на дальних полках — из них она только планировала ткать. Но мужчина ушел ни с чем.

— Но почему вы не использовали свой дар? — удивилась Омарейл, когда за высоким господином захлопнулась дверь.

Госпожа Тулони с укором посмотрела на нее:

— Никто не знакомил тебя с Эксплетарием?

Принцесса закатила глаза.

— Да, в общих чертах, — скучаяще отозвалась она. — Но это же не для дурного дела...

Третий покупатель оказался точно таким, как мечтала Омарейл. Молодая учительница слушала все истории о ковриках, восхищалась цветовыми сочетаниями и тем, насколько узнаваемы были сюжеты в простых петельках, полосках и ромбах. Девушка ушла с четырьмя маленькими ковриками и одним большим.

— Нужна красивая упаковка, — заявила Омарейл, едва за покупательницей закрылась дверь. — Неудобно уносить покупки в руках. К тому же кто-то может приобрести коврик в подарок. Будет здорово, если мы сразу же предложим его красиво оформить.

Госпожа Тулони вздохнула:

— Коробки очень дорогие, да и бумажные пакеты стоят немалых денег.

Омарейл задумалась. Огляделась и заметила в углу два больших рулона.

— А это что? — спросила она. — Похоже на ткань.

Хозяйка кивнула:

— Вон те напольные коврики я плету из лоскутков. Покупаю недорогую ткань, рву ее на лоскуты, а затем плету.

Губы Омарейл расплылись в улыбке.

— А что, если вы сошьете сумки? Какие-то простые мешочки?

— Это я, пожалуй, могу...

Вечером за ужином Омарейл воодушевленно сообщила Дарриту и Лодье о своих успехах:

— В лавке, где я работаю, сегодня было два покупателя! Хозяйка говорит, что это больше, чем за всю прошлую неделю. И все благодаря оформлению витрины, которое мы сегодня сделали!

— Два покупателя — это впечатляет, — прокомментировал Норт чуть насмешливо.

— Это мой второй день! — воскликнула она. — И это не случайность, они не сами пришли, а благодаря моим действиям. Это серьезное достижение.

— Поддержу девушку, — кивнул Лодья, который с явным интересом слушал ее рассказ. — Поскольку лавка Часовщика — это машина времени, в одно из дальних путешествий мы купили ее, чтобы она всегда была нашей. Получается, что иногда она годами закрыта, но когда я попадаю в нужную эпоху, то открываю ее и что-нибудь продаю. В этот раз я занялся книгами. Место отличное и из-за того, что никто не знает хозяина, обросло легендами. Поначалу после открытия народ идет толпами, но постепенно интерес падает, и, скажу я вам, порой найти читающую публику так же тяжело, как черную козу ночью в хлеву. Моя помощница, Алтея, уже вторую неделю зазывает случайных прохожих. Два покупателя на второй день работы — это и правда достойный результат.

— Прошу прощения, — склонил Даррит голову, — признаю свою ошибку.

— Похвастайся-ка сам, какие у тебя успехи сегодня? — ехидно поинтересовалась Омарейл.

Норт неопределенно дернул плечом и ответил что-то вроде: «Работа идет». Затем после паузы сказал:

— Раз уж вы так славно проявили себя в лавке, пойдемте на прогулку, может быть, и с деревом вам улыбнется удача.

Пока они собирались, Омарейл продолжала ворчать, повторяя, что дело было не в удаче, а в продуманных действиях.